

УДК 811.161.1

**ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЁН
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЫ А.С. СЕРАФИМОВИЧА**

К.Э. Садриева

Аннотация

Статья посвящена анализу эстетических значений адъективов в творчестве А.С. Серафимовича. Выявляются наиболее типичные для языка писателя группы имён прилагательных по семантическому и функциональному признакам, которые анализируются с учётом идейного содержания и проблематики произведений, а также авторского видения мира. Особое внимание уделяется рассмотрению синтагматических связей адъективов с определяемыми именами существительными. Исследуется влияние контекстуального окружения на смысловое и эмоционально-оценочное содержание прилагательных. Определяются семантические отношения между частями сложных слов, выявляются индивидуально-авторские новообразования.

Ключевые слова: адъективы, эстетическое значение, окказиональная сочетаемость, семантика, контекстуальные связи, А.С. Серафимович.

Вопросы изучения художественного слова и его эстетических возможностей всегда остаются актуальными в лингвистической науке. При этом особое внимание учёных уделяется текстовой значимости лексического уровня как наиболее полно отражающего идейно-тематическое содержание текста.

В языке художественных произведений различные группы слов, в том числе имена прилагательные, подвергаются многочисленным трансформациям: обогащается смысловой объём, усложняется эмоционально-оценочное содержание слова. Иными словами, в контексте художественного целого лексическая единица может сохранять свойственные ей общепринятые значения, а также приобретать новые смыслы. Подобные семантические приращения происходят под влиянием контекста, идеи и проблематики произведения, авторского видения мира. Именно поэтому читатель воспринимает художественное слово таким, каким представил его автор, исходя из стиля, который характерен только для творчества данного писателя. «Язык – решающая энергия искусства писателя. Каждая новая встреча с бесконечно знакомым словом таит неожиданности... Появление слова в поэтической речи неизменно сопровождается возникновением содержания, гораздо более ёмкого, чем его значение» [1, с. 675]. В.В. Виноградов считал, что «смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением» и «буквальное значение слова здесь обрастаёт новыми, иными смыслами» [2, с. 230].

Исследование индивидуально-авторского употребления слова в художественном мире того или иного писателя позволяет создать представление об эстетическом своеобразии его творческой манеры. Кроме того, при анализе способов актуализации языковых значений в тексте необходимо учитывать влияние не только индивидуально-авторских ассоциаций, но и ассоциаций читателя-носителя языка.

В языке литературных произведений представлена такая категория художественных текстов, как эстетическое значение. Учение об эстетическом значении слова связано с именем Б.А. Ларина, который развил мысли русских учёных XIX – начала XX вв. Я.К. Грота [3], В.А. Богородицкого [4], А.А. Потебни [5, 6]. Ларин впервые выдвинул понимание индивидуального, «личного» употребления слова как «эстетического значения» [7]. Отметим: «эстетическое значение – термин, которым мы обозначаем различные типы индивидуально-авторских значений, оттенки значений, эмоционально-экспрессивные, эмоционально-оценочные и стилистические сдвиги в смысловой структуре слова» [8, с. 13], то есть индивидуально-авторские значения, которые не допускают слишком конкретных толкований. Для изучения и анализа данной категории художественных произведений особое значение имеют имена прилагательные, которым свойственна наибольшая семантическая ёмкость. Они обладают особым потенциалом в семантической и коннотативной сферах.

Смысловый объём имён прилагательных обогащается, в том числе и в определённом синтагматическом окружении, в сочетании с разнообразными именами существительными. Именно в подобных словесных связях особенно ярко раскрываются семантические, экспрессивные и функциональные возможности адъективов. «В отличие от сложных имён существительных, имена прилагательные в силу своей частеречной принадлежности теснее связаны с синтагмой, а значит, и с формулами речи, которые являлись основными элементами текстообразования» [9, с. 43]. К тому же главное свойство прилагательных «заключается в том, что этот класс слов семантически несамостоятелен» [10, с. 7], сдвиги в значении прилагательного находятся «в зависимости от сочетаемости с разными существительными» [10, с. 4]. Слова данной части речи легко подвержены «малозаметным, но существенным смысловым смещениям в различных сочетаниях с именами существительными» [11, с. 45]. При этом актуализаторами эстетического значения адъективов служат необычные, окказиональные сочетания слов. Подобное расширение валентности и индивидуально-авторские словосочетания – характерная особенность художественной речи. «Прилагательное легко приспосабливается к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении» [10, с. 4].

При анализе эстетических возможностей адъективов в художественном произведении важно учесть, что изучение прилагательного как компонента метафорического словосочетания связано не с семантикой отдельного слова, а обязательно с семантикой словосочетания. В.В. Виноградов [12, 13], Л.И. Донецких [8], Е.М. Вольф [10] отмечали, что широкая свобода сочетаемостных способностей имён прилагательных является неистощимым источником эстетического значения.

В настоящей работе предпринимается попытка исследования своеобразия употребления имён прилагательных в функциональном и семантическом аспектах в творчестве Александра Серафимовича Серафимовича (1863–1949), принадлежащего к поколению писателей-реалистов рубежа XIX – XX вв. В качестве материала используются его повести и рассказы 1889–1908 гг.: «Бегство» (1889), «Под землём» (1895), «Поход» (1896), «Дежурство» (1896), «Истинное происшествие» (1896), «Из детской жизни» (1898), «Наказание» (1898), «Сцепщик» (1898), «Никита» (1898), «На заводе» (1899), «Штурм» (1899), «Ледоход» (1899), «Бой петухов» (1900), «Предложение» (1900), «Под уклон» (1901), «Гроза и грузчики» (1902), «На курорте» (1902), «В снегу» (1902), «Случай» (1902), «Преступление» (1902), «В бурю» (1903), «Некогда» (1903), «На берегу» (1903), «Лихорадка» (1903), «Наденька» (1904), «Обман» (1904), «У костра» (1904), «Обед» (1904), «В пути» (1904), «Сердце» (1905), «Астрономия» (1906), «Серёжа» (1906), «Востроносый» (1906), «В редакции» (1907), «Настоящая жизнь» (1907), «Человек в скучайке» (1908), «В винограднике» (1908), «Дочь» (1908), «Отрезанный ломоть» (1908).

«Творчество Серафимовича уходит своими корнями в почву народной жизни, в которой происходили сдвиги огромного исторического значения», – пишет Л. Гладковская [14, с. 5]. Его прозу отличает живой интерес к острым социальным проблемам тех лет. Произведения писателя – это своеобразный приговор бесчеловечному социальному строю, повествование о бедственном положении народа. В фокусе – промышленная эпоха, суровый человеческий труд, правдивые рассказы о рабочих разных профессий. Рассказы Серафимовича глубоко драматичны, «окрашены сочувствием к обездоленным людям» [14, с. 9].

Следует подчеркнуть: основополагающим свойством языка А.С. Серафимовича является «смысловая многоплановость слова» [15, с. 60], конкретнее – имён прилагательных. Чаще всего это факты совмещения прямого и переносного значений слова, обновление смысла за счёт ближайшего синтагматического окружения. Поэтому целесообразным представляется рассматривать «слово как нежёсткую, открытую структуру» [16, с. 79], семантические компоненты которой обнаруживаются в контексте.

Использование писателем большого количества имён прилагательных напрямую связано с основным идеяным содержанием его творчества. Он активно обращается к адъективам при описании человека, его внешности. При этом по семантике прилагательные крайне неоднородны, что затрудняет процесс классификации данной части речи.

Принимая во внимание ограниченные рамки статьи, сконцентрируемся на прилагательных, характеризующих внешность человека, его психологическое состояние, эмоции и жизнь, существование человека в целом.

Первую группу составляют наиболее частотные в творчестве Серафимовича **сочетания имён прилагательных с существительным лицо**. Данную группу можно разделить на три подгруппы. Первая подгруппа – сочетания с прилагательными, обозначающими психологическое состояние персонажа: *добродушное спокойное лицо; строгое, серёзное лицо; злобные лица; сердитое лицо; с преступно-радостным лицом; холодно-спокойное, неизменное лицо; с равнодушно-каменными лицами* и др.

Оксюморонный характер соединения основ в сложном прилагательном и расширение валентности основ вследствие сближения двух понятийно несовместимых признаков при характеристике человеческого лица иллюстрирует словосочетание *виновато-сердитое лицо* (С.С.2, с. 430). С одной стороны, реализуется значение ‘выражающий сознание вины’ (ТСРЯ1, с. 147), а с другой – актуализируется значение ‘проникнутый гневом, раздражением, выражающий раздражение, гнев’ (ТСРЯ4, с. 78).

Аналогичный пример нарушения законов сочетаемости, усиливающий эмоционально-экспрессивные элементы в значении прилагательного, обнаруживается в сложном адъективе *озабоченно-решительные лица* (С.С.3, с. 216). Здесь реализуется значение ‘поглощённый заботами, занятый какими-нибудь хлопотами’, ‘выражающий поглощённость заботами, беспокойство’ (ТСРЯ2, с. 387), синонимичное слову *задумчивый*, и в то же время актуализируется значение ‘смелый, не останавливающийся в действиях перед трудностями, не знающий колебаний в осуществлении принятых решений’ (ТСРЯ3, с. 678).

Ещё один пример с подобной сочетаемостью основ находим в композите *с добродушно-угрюмыми чертами лица* (С.С.1, с. 144), где значение первого компонента сложного адъектива – ‘добрый и мягкий по характеру, незлобивый’ (СРЯ, с. 165), а значение опорного компонента композита – ‘суровый, неприветливый, мрачный’ (ТСРЯ4, с. 444).

Вторая подгруппа включает словосочетания, в которых прилагательные лексико-грамматической группы цвета выступают в качестве определений к существительному лицо: *иссера-чёрное лицо; бледное лицо; смертельно-бледное лицо; с серым, землистым лицом; серые, испитые, землистые лица; с перекошенным бледным лицом* и др.

Несложно заметить преобладание серого оттенка при описании лица, который в исследуемом материале представлен в виде синонимического ряда адъектипов: *иссера-чёрный* (с серым оттенком), *бледный*, *пепельно-землистый* (‘серовато-бледный’ (ТСРЯ1, с. 547)), *пепельно-серый*. В последних двух примерах у сложного прилагательного проявляется эстетическое значение, новое эмоционально-оценочное содержание в результате сближения в одном композите слов-синонимов, общих по своим ассоциативным представлениям, по лексическому наполнению: *Егор Матвеевич... остановил глаза на мужичонке с птичьим пепельно-серым от восьмимесячного сидения в тюрьме лицом* (С.С.2, с. 269); ...передо мной всё стояли эти остеклевшие глаза... и зловещие *пепельно-землистые неподвижные черты лица* (С.С.1, с. 320).

Для более точной номинации и усиления эмоциональной оценки используется адъектив *мертвенно-бледный*, в котором актуализатором эстетического значения прилагательного *бледный* является качественное наречие *мертвенно*, придающее слову экспрессивную окраску: *появилась женщина... дрожащая, с мертвенно-бледным, стянутым от холода лицом* (С.С.2, с. 118).

В качественном значении используется Серафимовичем прилагательное *чугунный* ‘имеющий цвет чугуна’, ‘чёрный с сизым отливом’ (НСРЯ, с. 994): *он лежал на песке со скрюченными руками и ногами, с чугунным лицом* (С.С.2, с. 102).

Реже автор использует адъективы, обозначающие другие цвета: *дородный купчина с красным и ражим лицом* (С.С.2, с. 113); *пока наконец дверь в переднюю не отворилась и не выглянуло костистое, жёлтое и злое лицо* (С.С.2, с. 407).

Окказиональную сочетаемость иллюстрирует следующий пример: *ввиду этих спокойных каменно-тёмных лиц* (С.С.3, с. 433). Сближая качественные прилагательные *спокойный* и *каменно-тёмный* писатель эстетически уточняет, усиливает семантическую наполненность первого адъектива *спокойный*. В композите *каменно-тёмных* опорный компонент *тёмный* реализует переносное значение и называет основное качество – ‘печальный, задумчивый, мрачный, хмурый’ (ТСРЯ4, с. 338). При этом он наделяется конкретизатором, который уточняет опорный компонент, реализует сравнительную семантику и переносное значение ‘неподвижный, застывший, безжизненный’ (ТСРЯ1, с. 648).

Третью подгруппу составляют словосочетания с именами прилагательными, описывающими внешний вид, черты лица: *с красивыми, но острыми и хищными чертами... лица; судорожно-искривлённое лицо; изнурённые лица; с рябым лицом; с мясистым, угреватым, геморроидальным лицом* и др.

Остановимся подробнее на некоторых словосочетаниях. Во-первых, *лицо ражее*. У Серафимовича: *дородный купчина с красным и ражим лицом* (С.С.2, с. 113). В толковом словаре Д.Н. Ушакова отмечено, что слово *ражий* относится к группе просторечий и имеет значение ‘крепкий, здоровый’ (ТСРЯ3, с. 556). Прилагательное *ражий* служит для описания телосложения человека в целом и употребляется в сочетаниях типа *ражий парень* (человек). Писатель заменяет определяемое слово существительным *лицо*. Эта замена контекстуально оправдана. Ему важно подчеркнуть характерную особенность лица купца – крупное, широкое, сытое. В данном синтагматическом окружении у прилагательного *ражий* проявляется новое эмоционально-оценочное содержание. Прилагательное *ражий* – слово с положительной коннотацией, однако в контексте, в котором оно употребляется в составе распространённого несогласованного определения к слову *купчина*, имеющему суффикс субъективной оценки *-ин-* и значение увеличительно-уничижительное (ТСРЯ1, с. 776), создаются условия для появления у данного прилагательного отрицательной оценки.

Во-вторых, в словосочетании *с испитым лицом* (С.С.2, с. 209) автор обращается к разговорному прилагательному *испитой* в значении ‘истощённый, изнурённый, худосочный’ (ТСРЯ1, с. 620), придавая тем самым дополнительную экспрессию адъективу и усиливая его семантическую значимость.

Вторую группу прилагательных, используемых для характеристики внешности человека, **составляют адъектины, определяющие существительное глаза: недоверчивые глаза; умные глаза; с весёлыми глазами; спокойно-требовательные глаза; колючими, маленькими, залезающими всюду глазками** и др.

Следует прежде всего обратить внимание на имена прилагательные в следующем контексте: *Егор Матвеевич... остановил глаза на мужичонке... в рваном... полушибке и с бесконечно-усталыми, равнодушными глазами* (С.С.2, с. 269). В данном случае автор использует приём подбора пары контекстуальных синонимов. Семантически объединяющим для адъективов *бесконечно-усталыми* и *равнодушными* служит компонент значения ‘спокойный’ (ТСРЯ2, с. 552). Аналогичный пример – *медлительно-спокойные, задумчивые глаза* (С.С.3, с. 329).

Для этой пары контекстуальных синонимов связующим компонентом будет значение ‘молчаливый’ (ТСРЯ1, с. 465).

Обновление смыслового содержания, проявление нового эмоционально-оценочного содержания прилагательного *чёрный* можно заметить в словосочетании *чёрные, гордые глаза*. Чтобы доказать данное утверждение, необходимо обратиться к узкому лингвистическому контексту: *С матово-строгого лица на меня глянули чёрные, гордые глаза. Такой одухотворённой, такой благородной красоты я не встречал* (С.С.2, с. 200). Под влиянием контекста художественного произведения у прилагательного *чёрный*, наряду с общепринятым, узуальным цветовым значением, развиваются новые эстетические оттенки смысла, такие как ‘благородный, возвышенный’.

Серафимович нарушает законы сочетаемости в контексте: *его [молодого человека] серые, холодно-жёсткие, внимательные глаза не улыбались* (С.С.3, с. 101). Перед нами окказиональный композит *холодные-жёсткие*. Следует отметить, что автор соединяет близкие по лексическому значению и ассоциативным представлениям прилагательные *холодный* ‘строгий и недоброжелательный’ (СРЯ, с. 848) и *жёсткий* ‘грубый, суровый, резкий’ (ТСРЯ1, с. 431), актуализируя тем самым эстетические функции адъектива и усиливая эмоциональное воздействие на читателя.

Контекст важен и для полного, целостного понимания адъектипов *сухой* и *горячечный*: ...*Она поднялась, и на него бесконечной ненавистью глянули сухие, горячечные глаза* (С.С.3, с. 263). Здесь увеличивается эмоционально-оценочная ёмкость сочетания и усиливается отрицательная оценка. Реализуется переносное значение прилагательного *сухой* – ‘суворо-безучастный, холодный, неотзычивый, неласковый’ (ТСРЯ4, с. 301). В словосочетании *горячечные глаза* писатель обновляет семантику адъектива. В толковом словаре Ушакова находим следующее значение данного слова – ‘такой, какой бывает... при горячке’ (ТСРЯ1, с. 303). В произведении происходит переосмысление значения слова и сближение его по смысловому наполнению с эпитетом *сухой*. Исходя из этого адъективы *сухой* и *горячечный* под влиянием контекста становятся контекстными синонимами. Актуализируется дополнительные коннотативные компоненты значения – ‘злобный, недобрый, враждебный’.

Важное место в творчестве Серафимовича занимают **прилагательные, с помощью которых** описываются не различные атрибуты внешности, а **создаётся образ человека в целом**. Они **составляют третью группу** адъектиvos, внутри которой выделяются две подгруппы. Первая – прилагательные, характеризующие физическое состояние человека: *мощная фигура; флегматичный толстый землевладелец; развязная фигура; тучное тело; маленький, кругленький человек; длинное рыбье тело; осанистый мужчина; сухое, жилистое, гибкое тело; молодое, гибкое, сильное тело; маленькая тщедушная девочка; высокий, худощавый человек; кондуктора, сонные, вялые, усталые; скучастый стоял, тяжёлый, плотный, приземистый, давя землю неуклюжим сильным телом; узкогрудый и слабый, медвежеобразный, широкозадый детина и др.*

Писатель обращается и к просторечному прилагательному *дебелый* со значением ‘полный, толстый, упитанный’ (ТСРЯ1, с. 333): *фигура миссионера, белолицего, дебелого, как женщина* (С.С.3, с. 344).

В примере *Игнат Матвеевич, худой, костистый <...> и весь похожий на заработавшуюся клячу* (С.С.2, с. 256) происходит усиление признаков *худой, костистый* за счёт контекста, в котором описываемый человек сравнивается с заработавшейся клячей. Сочетание *Игнат Матвеевич костистый* образовано по аналогии. Прилагательное *костистый* в значении ‘с заметными, выступающими костями’ (TCPЯ1, с. 743) используется при описании частей человеческого тела, например, *костистые руки*. Однако в данном случае Серафимович расширяет валентность адъектива, что является контекстуально оправданным. Писателю важно подчеркнуть худобу всего тела человека.

Вторая подгруппа – прилагательные, с помощью которых описываются личные качества человека: *домовитый хозяин; искусные рабочие; добогодяжненный Шаблаев, Загризов хмурый и сумрачный; он [Сергей Николаевич Боготянов] окажется грубым, испорченным, злым, мелочным человеком; проворный, юркий, весёлый офицер* и др.

Обращает на себя внимание словосочетание *феишенебельные дамы* в контексте: *рабочие здесь благоденствуют, что они занимают прекрасные заводские домики, что жёны рабочих – феишенебельные дамы* (С.С.1, с. 436). Валентность прилагательного расширяется автором за счёт окказиональной сочетаемости. В данном примере сохраняется значение адъектива ‘модный, элегантный, отвечающий требованиям лучшего вкуса, светского тона’ (TCPЯ4, с. 536). Однако в русском языке известны сочетания *феишенебельные дома, феишенебельные дачи* и т. д. Нарушение законов сочетаемости, перенос признака, свойственного неодушевлённым предметам, на одушевленные усиливают признак и эмоционально-оценочное впечатление, а также наполняют контекст ироническим содержанием.

В произведениях Серафимовича большое значение придаётся раскрытию общего душевного состояния героев, их настроения, внутренних переживаний. В связи с этим частотными являются прилагательные, описывающие психологическое состояние человека. Соответственно, четвёртую группу составляют **сочетания адъектипов с отвлечёнными существительными, называющими человеческие чувства**: *мучительно-тяжостное ощущение; холодное ощущение ожидания; радостное, праздничное, лучезарное настроение; острое, щемящее чувство; глухое беспокойство; мучительно недоумение; здоровое, бодрое ощущение; сладострастным чувством; тёплое, задушевное, таинственное состояние; бессильная злоба; смесь лёгкой, незлобивой пренебрежительности и снисходительного добродушия; тонкая щемящая боль неудовлетворённости; серенькая, неуловимо-хмурая серьёзность плывёт по лицам; сладостно-мстительное чувство; жгучее, почти болезненно-радостное чувство невыразимой нежности и др.*

Обновление смыслового содержания адъектипов с общепринятыми в языке значениями происходит в результате сближения в одно сочетание близких по своему лексическому значению слов. Например: *острое возбуждение, усталая апатия, странная, жгучая, почти сознательная ненависть горит в её серых глазах* (С.С.2, с. 95); *голос её зазвучал с злобной враждой, безучастное равнодушие, студившее грудь холодное одиночество и отчуждённость* (С.С.2, с. 276). В приведённых выше примерах семантическая ёмкость адъектипов

удваивается благодаря единой смысловой доминанте существительного и определения, в результате чего прилагательное перестаёт быть избыточным.

В сочетаниях *сладкая, томительная боль раскаяния* (С.С.2, с. 278), или *судорожно-радостное озлобление* (С.С.3, с. 221), или *хаотический беспорядок* (С.С.1, с. 373), наоборот, эстетический эффект возникает при оксюморонной сочетаемости существительного с адъективом, то есть при сведении в одно словосочетание семантически полярных слов.

В центре произведений Серафимовича находится человек, поэтому писатель уделяет большое внимание описанию жизни героев своих рассказов. Отсюда особую, **пятую группу составляют прилагательные-определения к слову жизнь:** *привольная жизнь; угрюмая жизнь старого холостяка; скитальческая жизнь* и др.

При характеристике слова *жизнь* писатель использует ряды из двух, чаще трёх прилагательных, которые нередко являются языковыми синонимами: *неугомонная, кипучая жизнь, молодая, свежая, полная сил жизнь* (С.С.2, с. 97), *монотонная, однообразная деревенская жизнь* (С.С.1, с. 466). Можно встретить и контекстуальные синонимы: *сложная, запутанная, пёстрая, живая <...> жизнь* (С.С.2, с. 61); *жизнь, яркая, радостная, свободная* (С.С.2, с. 137), *моладость просила яркой, звучной и живой жизни* (С.С.2, с. 375); *Серёжа <...> начинает смутно чувствовать тяжесть какой-то незнакомой ему жизни, жестокой и трудной* (С.С.2, с. 451). Подобные амплификации, то есть нагнетание адъективов во фразе, для более точного, всестороннего и яркого раскрытия понятия *жизнь* свидетельствуют о его важности для писателя и пристальном внимании Серафимовича к человеческому существованию.

Таким образом, нами были проанализированы наиболее частотные адъективы, связанные с описанием человека, в творчестве А.С. Серафимовича. Среди рассмотренных слов данной части речи в зависимости от их сочетаемости с именами существительными были выделены пять основных групп: имена прилагательные с существительным *лицо*; сочетания с существительным *глаза*; группа имён прилагательных, с помощью которых создаётся образ человека в целом; сочетания адъективов с отвлечёнными существительными, называющими человеческие чувства; и словосочетания прилагательных с существительным *жизнь*.

В своей художественной прозе писатель активно обращается к приёмам расширения валентности слов, а также сочетаний основ внутри композита, реализации многозначности, амплификации, подбору контекстуальных синонимов, что ведёт к обновлению семантики прилагательного, его эмоционально-оценочного компонента и реализации эстетического значения.

Summary

K.E. Sadrieva. The Aesthetic Meaning of Adjectives in the Language of A.S. Serafimovich's Prose.

The paper analyzes the aesthetic meaning of adjectives in A.S. Serafimovich's prose. The most typical groups of adjectives are singled out based on their semantic and functional features, which are analyzed considering the main idea and problems of the prose works, as well as the author's view of the world. Special attention is paid to the syntagmatic relations between adjectives and dependent nouns. The influence of a particular linguistic context

on the semantic and emotional contents of adjectives is investigated. The semantic relations between parts of complex words are discussed. Occasionalisms used by A.S. Serafimovich are distinguished.

Keywords: adjectives, aesthetic meaning, occasional collocation, semantics, contextual relations, A.S. Serafimovich.

Источники

- C.C.1 – *Серафимович А.С. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 1. – 647 с.*
- C.C.2 – *Серафимович А.С. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 2. – 679 с.*
- C.C.3 – *Серафимович А.С. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 3. – 679 с.*
- НСРЯ – *Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2001. – Т. 2. – 1088 с.*
- СРЯ – *Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: ОНИКС 21 век: Мир и Образование, 2005. – 896 с.*
- ТСРЯ1 – *Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – Т. 1. – 848 с.*
- ТСРЯ2 – *Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – Т. 2. – 528 с.*
- ТСРЯ3 – *Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – Т. 3. – 720 с.*
- ТСРЯ4 – *Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – Т. 4. – 752 с.*

Литература

1. *Федин К.А. К дискуссии о языке // Федин К.А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1962. – Т. 9. – С. 521–715.*
2. *Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.*
3. *Грот Я.К. Язык Державина // Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1883. – Т. 9. – С. 301–389.*
4. *Богородицкий В.А. Психология поэтического творчества: Публичная лекция. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1900. – 27 с.*
5. *Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. – М.: Просвещение, 1985. – Т. 4. – 319 с.*
6. *Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.*
7. *Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: Избранные статьи. – Л.: Худож. лит., 1974. – 285 с.*
8. *Донецких Л.И. Реализация эстетических возможностей имён прилагательных в тексте художественных произведений. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 160 с.*
9. *Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2010. – 50 с.*
10. *Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. – М.: Наука, 1978. – 200 с.*

11. Сорокин Ю.С. О поэтическом идиолекте. Из стилистических комментариев к пушкинским поэтическим текстам («Анчар») // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкоznания. – Калинин: Калинин. ун-т, 1977. – С. 38–61.
12. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.
13. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкоznания. – 1953. – № 5. – С. 3–30.
14. Гладковская Л. А.С. Серафимович // Серафимович А.С. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 1. – С. 5–51.
15. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 264 с.
16. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.

Поступила в редакцию
06.07.15

Садриева Камиля Эдуардовна – аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: *kamilysha@mail.ru*